

ОБВИНЯЕМЫЙ: НУЖЕН ЛИ ТАКОЙ УЧАСТНИК В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ?

В статье анализируется правовое положение подозреваемого и обвиняемого в уголовном процессе России. Утверждается, что в соответствии с принципом презумпции невиновности обвиняемый – тот же подозреваемый, поэтому следует исключить обвиняемого из числа участников уголовного процесса. Внесение предложенных автором изменений в УПК РФ будет способствовать, по его мнению, устранению обвинительного уклона в деятельности следователей и судей.

Ключевые слова: презумпция невиновности, подозреваемый, обвиняемый, следователь, прокурор, судья, презумпция виновности, оправдательный приговор.

Статья подготовлена к юбилею замечательного ученого и прекрасного человека – профессора Шейфера Семена Абрамовича, внесшего неоценимый вклад в науку уголовного процесса. Желая ему доброго здоровья, уверен, что научных и практических работников, и не только России, его близких, друзей и коллег порадуют новые творческие успехи юбиляра.

Но юбилей – это не только повод отметить научные достижения юбиляра и уголовно-процессуальной науки в целом, но и основание поговорить о насущных проблемах уголовного судопроизводства, разработка которых плодотворно осуществлялась и осуществляется С.А Шейфером, многими учеными-процессуалистами, обсудить эти проблемы на Всероссийской научно-практической конференции, посвященной ему.

В рамках установленного для статьи объема затрону лишь одну из указанных проблем, исследование которых ведется в настоящее время и, несомненно, продолжится.

Обвиняемый в уголовном процессе России – тот же подозреваемый

В ст. 14 УПК РФ, закрепившей принцип презумпции невиновности, в первой ее части установлено: «Обвиняемый считается невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана в предусмотренном настоящем Кодексе порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда». Но если предполагается, что обвиняемый до вступления в отношении него обвинительного приговора является лицом, не виновным в совершении преступления, то каким же участником уголовного процесса должно быть лицо, представшее перед судом? На мой взгляд – только подозреваемым! И здесь встает вопрос: зачем в уголовном процессе иметь двух участников процесса – подозреваемого и обвиняемого? Достаточно одного – подозреваемого.

* © Кругликов А.П., 2014

Кругликов Анатолий Петрович (krug.ap@bk.ru), кафедра уголовного процесса и криминалистики, Волгоградский государственный университет, 400062, Российская Федерация, г. Волгоград, пр-т Университетский, 100.

Почему необходимо говорить об этом? Как известно, в России мало выносятся оправдательных приговоров, причины такого явления активно обсуждаются практическими и научными работниками. Думается, что одной из них является то обстоятельство, что перед судом в соответствии с действующим в настоящее время законом находится не подозреваемый в совершении преступления, а обвиняемый. То есть в действительности лицо, в отношении которого имеется хотя бы обоснованное, но всего лишь подозрение (предположение) о совершении им преступления. В русском языке «подозрение» – это предположение, основанное на сомнении в правильности, законности чьих-нибудь поступков [1, с. 466]. Если бы из УПК РФ был исключен такой участник процесса, как обвиняемый, а оставлен только подозреваемый, то, убежден, это заставляло бы органы предварительного расследования более тщательно собирать доказательства его виновности или невиновности в совершении преступления. И судья, понимая, что перед ним на скамье подсудимых лицо, лишь подозреваемое в совершении преступления, также внимательнее относился бы к исследованию и оценке имеющихся в деле доказательств и доказательств, полученных в ходе судебного следствия.

Какие же изменения в УПК РФ представляются необходимыми? Назову некоторые из них.

Статью 46 УПК РФ, содержащую понятие подозреваемого, дополнить указанием на то, что подозреваемым является также лицо, в отношении которого вынесено постановление о предъявлении обвинения (структура и содержание данного постановления, порядок предъявления обвинения должны быть определены в УПК РФ). В нем, а также и в других обвинительных актах должна содержаться формулировка обвинения определенного лица в совершении конкретного преступления.

Подозреваемым также должно являться лицо, в отношении которого вынесен обвинительный акт и лицо, в отношении которого составлено обвинительное постановление.

Таким образом, лицо, в отношении которого составлено постановление о предъявлении обвинения (или иной обвинительный акт), станет в уголовном процессе не кем иным, как подозреваемым. При производстве по уголовному делу о нем нужно будет говорить, например, как о «подозреваемом, в отношении которого вынесено обвинительное постановление».

А если подозреваемому предъявлено обвинение, то, соответственно, о «подозреваемом, которому предъявлено обвинение».

Статью 46 УПК РФ предлагается дополнить частью 2¹ следующего содержания: «2¹. Подозреваемый, по уголовному делу которого назначено судебное разбирательство, именуется в суде подозреваемым. Подозреваемый, в отношении которого вынесен обвинительный приговор, именуется осужденным. Подозреваемый, в отношении которого вынесен оправдательный приговор, является оправданным».

В статью 46 УПК РФ после перечисления прав подозреваемого нужно добавить часть с примерно таким началом: «Подозреваемый имеет и другие права:» – и перечислить в этой части права подозреваемого, которые есть в настоящее время у обвиняемого, в том числе применительно к окончанию предварительного расследования и рассмотрению дела в суде.

Здесь предложены лишь некоторые изменения в УПК РФ, которых, конечно же, будет очень много в случае устранения законодателем из УПК РФ такого участника процесса, как обвиняемый. При этом следует принять во внимание и на наличие в УПК РФ норм, относящихся в равной мере к подозреваемому и обвиняемому. Например, статья 16 носит название: «Обеспечение подозреваемому и обвиняемому

права на защиту». В ч. 2 ст. 14 УПК РФ говорится о том, что подозреваемый или обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность и что бремя доказывания обвинения и опровержение доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого, лежит на стороне обвинения. В статьях 46 и 47 УПК РФ, в других его статьях также содержатся нормы, относящиеся в равной мере к подозреваемому и обвиняемому.

Применительно к рассматриваемому вопросу, как представляется, имеют значительный научный и практический интерес отдельные положения уголовного процесса некоторых зарубежных государств, относящиеся к рассматриваемым в настоящей статье вопросам.

Например, в уголовном процессе Федеративной Республики Германии имеются различные степени подозрения в совершении преступления: **предположения** (дознание недопустимо); **начальное подозрение** — возможность совершения преступления (обстоятельства дела, улики). Появляется *обязанность* начать дознание (свобода действий, оценки); **достаточное подозрение** — *вероятность* того, что обвиняемый совершил уголовно наказуемое деяние и будет осужден. Возникает *обязанность предъявить государственное обвинение*. **Сильное подозрение** — при *высокой степени вероятности*, что обвиняемый совершил уголовно наказуемое деяние. В такой ситуации могут быть применены определенные меры принуждения, например, заключение под стражу [2, с. 81].

Здесь стоит обратить внимание на то, что отсутствует утверждение о виновности обвиняемого в совершении преступления, а говорится, например, лишь о «высокой степени вероятности» — при сильном подозрении.

Заслуживают внимания и положения уголовно-процессуального законодательства Франции. Л.В. Головкин отмечает, что сравнительно недавно процедура предъявления обвинения в этой стране подверглась кардинальным реформам (законы от 4 января 1993 г., от 24 августа 1993 г. и от 15 июня 2000 г.). Прежде всего, изменилось само наименование института, который ныне называется не «предъявление обвинения», а «привлечение к рассмотрению». Соответственно, вместо обвиняемого появился новый участник процесса — лицо, привлеченное к рассмотрению. Изменение терминологии, по мнению Л.В. Головкина, объясняется попыткой законодателя более последовательно отстаивать принцип презумпции невиновности. Этому принципу, считает законодатель, противоречит использование слов, содержащих корень «вина». Это слова «обвиняемый», «обвинение» и т. д. [3, с. 350–351]. Думается, что указанные изменения в уголовном процессе Франции заслуживают внимания не только при рассмотрении вопросов настоящей статьи, но и отдельного исследования.

К сожалению, имелось и в настоящее время есть еще в России немало научных и практических работников, которые привлечение лица в качестве обвиняемого отождествляют с привлечением к уголовной ответственности. И это еще до вынесения обвинительного приговора и начала реализации норм уголовного закона! Так, Л.М. Карнеева в своей книге с названием, о многом говорящем: «Привлечение к уголовной ответственности. Законность и обоснованность», писала о том, что привлечение к уголовной ответственности в уголовном процессе именуется также «привлечением в качестве обвиняемого», а постановление, в котором формулируется обвинение, — «постановлением о привлечении в качестве обвиняемого» [4, с. 11–12].

В юридической литературе иногда сущность привлечения в качестве обвиняемого освещается таким образом, что вполне можно понять, что речь идет именно о преступнике. Например, А.В. Смирнов пишет о праве обвиняемого на защиту: «В отличие от подозреваемого, он защищается не от подозрения, связанного лишь с предпо-

ложением о виновности лица в совершении преступления, а от обвинения, основанного на достаточных доказательствах виновности (ч. 1 ст. 171)» [5, с. 138].

Из этого суждения вполне можно сделать следующий вывод: если подозреваемый защищается лишь от «предположения» (выделено мною. — А. К.) о его виновности в совершении преступления, то обвиняемый — это лицо, обвинение которого основано на «достаточных доказательствах виновности». Но если «доказательств виновности» достаточно, то, следовательно, какие могут быть сомнения в виновности лица в совершении преступления? А как же быть с презумпцией невиновности самого обвиняемого, которая тоже не что иное, как предположение?

Сомневаюсь, что при приведенных выше теоретических установках судья будет думать, что перед ним на скамье подсудимых человек, возможно, и не совершивший преступления, а лишь подозреваемый в его совершении. И здесь будет действовать не презумпция невиновности, а презумпция виновности, суть которой, по мнению М.С. Строговича, заключается в том, что всякий обвиняемый считается виновным, пока не будет доказана его невиновность [6, с. 228–229].

Сотрудник Следственного комитета РФ А.М. Багмет свою статью назвал: «Следователь — судья на досудебной стадии» [7, с. 8]. А судья, как известно, правомочен выносить приговор, и «приговор» следователя в досудебном производстве излагается, очевидно, в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого и в обвинительном заключении. Потом, можно предположить, «приговор» следователя продублирует настоящий судья в судебном заседании, в том числе путем переписывания положений обвинительного заключения в свой приговор.

Это подтверждается примерами из судебной практики. Так, в «Российской газете» В. Куликовым опубликована статья под названием «Приговор под копирку». В ней, в частности, говорится о том, что председатель Московского городского суда О. Егорова провела со столичными судьями работу над ошибками следующим образом: «На большом экране перед всеми судьями столицы, собравшимися в зале Мосгорсуда, продемонстрировали приговоры по конкретным делам с подчеркнутыми красным фломастером ошибками. В некоторых местах текст дословно совпадал с обвинительным заключением и даже копировал помарки следствия, причем не только грамматические» [8.].

Полагаю, что и по названным причинам в России выносятся очень мало оправдательных приговоров, о чем говорят многие практические и научные работники, пишутся диссертации [9]. Об этом же свидетельствуют и статистические данные. Например, Главным управлением организационно-правового обеспечения деятельности судов Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации приведены следующие данные за 2012 год: «По сравнению с 2011 годом число оправданных лиц по приговорам районных судов уменьшилось — с 1,5 тыс. до 1,2 тыс., при этом их доля от общего числа лиц по оконченным уголовным делам по существу обвинения (выделено мною. — А. К.) составила 0,2 %, как и в 2011 году» [10].

Даже представитель Следственного комитета РФ считает, что «не надо бояться 5 или даже 10 % оправдательных приговоров. Революции от этого не произойдет, и государство не рухнет» [7, с. 9].

Незначительное количество оправдательных приговоров при очень низком качестве предварительного расследования не может не удивлять.

О качестве расследования можно судить по данным, приведенным Генеральным прокурором РФ Ю.И. Чайкой за тот же 2012 год, в котором число оправданных лиц по уголовным делам по существу обвинения составило 0,2 %.

В этом году, отметил Генеральный прокурор, более миллиона, а точнее, 1 миллион 14 тысяч 705 совершенных преступлений так и остались нераскрытыми. Причем

прокуроры установили более 5 миллионов нарушений законов, допущенных правоохранительными органами на досудебной стадии уголовного судопроизводства. Такие нарушения допускаются следственными органами всех без исключения ведомств и имеют тенденцию к стабильному росту. Широко распространены случаи необоснованных отказов в возбуждении уголовного дела, увеличилось количество уголовных дел, производство по которым было прекращено, при этом практически каждое четвертое такое решение впоследствии было отменено прокурором по причине несоответствия требованиям закона. Нарушаются сроки предварительного расследования преступлений [11].

О существенных недостатках в расследовании преступлений свидетельствуют результаты исследований разных авторов. А результаты проведенного И.Г. Смирновой анкетирования следователей и дознавателей на территории 18 субъектов РФ просто вызывают тревогу: «12,7 % следователей и дознавателей допускают возможность применения физического принуждения» к подозреваемым и обвиняемым [12, с. 41].

И при указанном качестве предварительного расследования, отношении следователей и дознавателей к своей работе такой низкий процент оправдательных приговоров?

Не свидетельствует ли это об обвинительном уклоне в деятельности судей? На это обратил внимание Председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин, выступая на 8 Всероссийском съезде судей в декабре 2012 года. По его мнению, назрела необходимость разработать и принять законодательные решения о создании института следственных судей. Он полагает, в частности, что институт следственных судей не только повысит эффективность судебного разбирательства, но и «поможет разорвать «обвинительную связку» между следствием и судом, о которой постоянно говорят в юридическом сообществе. И заодно хотя бы отчасти преодолеть «обвинительный уклон» в отечественном правосудии» [13, с. 9].

Думается, что разработка и принятие законодательных решений о создании института следственных судей потребует длительного времени. Как представляется, гораздо быстрее *разорвать «обвинительную связку» между следствием и судом и «хотя бы отчасти преодолеть обвинительный уклон в отечественном правосудии» можно иным образом — путем внесения в УПК РФ изменений, которые бы предоставили судьям возможность считать, что перед ними на скамье подсудимых лицо, которое является лишь подозреваемым в совершении преступления.*

Хорошо еще бы при этом, чтобы каждый судья помнил следующие слова английского правоведа и философа Иеремии Бентама: «При открытии заседания по делу ум судьи колеблется между мыслью о невиновности и о виновности обвиняемого» [14, с. 57]. Колеблется ли?

Очень близко ко всему рассмотренному выше, в том числе к «обвинительной связке между следствием и судом», примыкает вопрос об установлении объективной истины в уголовном судопроизводстве.

На мой взгляд, неправы те научные и практические работники, которые утверждают, что в новом УПК РФ отсутствует *цель установления объективной истины по делу*. Эта цель закреплена в ст. 73, требующей установления по каждому уголовному делу, события преступления (времени, места, способов и других обстоятельств совершения преступления), виновности лица в совершении преступления, форм его вины и мотивов, обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого, а также характера и размера вреда, причиненного преступлением. И если указанные обстоятельства установлены такими, какими они были в действительности, а не придуманы следователем

и руководителем следственного органа, как это иногда бывает, то объективная истина установлена.

И *требование объективности при производстве по делу* в УПК РФ также содержится. В той же ст. 73 говорится, что подлежат доказыванию обстоятельства, исключющие преступность и наказуемость деяния, а также обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, и обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания.

Следует отметить, что относительно проекта закрепления по инициативе Следственного комитета РФ объективной истины в УПК РФ сломано немало копий. Приведу лишь, на мой взгляд, очень точное суждение опытного судьи – председателя Мегионского городского суда Тюменской области А.В. Пиюка – об этом законопроекте: «можно сделать предположительный вывод, что цель его авторами преследуется благая, вместе с тем очевидно, что ее пытаются достичь негодными средствами, указывая, как и в ст. 20 действовавшего ранее УПК РСФСР, что объективную истину путем собирания доказательств обязаны устанавливать все, как органы предварительного расследования, так и суд. Возложение на суд обязанности устранять пробелы предварительного расследования, устраняя огрехи и промахи следствия, принимая на себя ответственность за обоснование и подтверждение версии обвинения, не соответствует ни функциям, ни высокой роли суда в уголовном процессе. Суд ни в коем случае не должен отвечать за качество предварительного расследования... если пробелы следователя в любом случае обязан устранить суд, то зачем следователю излишне напрягаться и качественно выполнять свои обязанности» [15, с. 52–55].

Заканчивая статью из-за ограниченного ее объема, приведу суждение известного в прошлом ученого-процессуалиста И.В. Михайловского, указавшего, что в тот день, когда судьи принуждены были бы «оказывать содействие» власти в преследовании преступников, собирая доказательства виновности и привлекая к ответственности по собственной инициативе, одним административным органом было бы больше. Но суд как охранитель законности, как защитник прав всех и каждого, как главный устой правопорядка перестал бы существовать [16, с. 89–90].

Автор понимает, что высказанные в статье суждения не являются бесспорными, но в том, что затронутые в ней проблемы нуждаются в дальнейшем обсуждении, исследовании и разработке – убежден.

Библиографический список

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1986. 797 с.
2. Бойльке Вернер. Уголовно-процессуальное право ФРГ: учебник / пер. с нем. Я.М. Плошкиной; под ред. Л.В. Майоровой. 6-е изд., с доп. и изм. Красноярск: РУМЦ ЮО, 2004. 352 с.
3. Головкин Л.В. Республика Франция // Гуценко К.Ф., Головкин Л.В., Филимонов Б.А. Уголовный процесс западных государств. Изд. 2-е, доп. и испр. М.: Издательство «Зерцало-М», 2002. 528 с.
4. Карнеева Л.М. Привлечение к уголовной ответственности. Законность и обоснованность. М.: Юридическая литература, 1971. 136 с.
5. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Обвиняемый. Уголовный процесс: учебник для вузов; под общ. ред. А.В. Смирнова. 2-е изд. СПб.: Питер, 2005. 699 с.
6. Строгович М.С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1955. 384 с.
7. Багмет А.М. Следователь – судья на досудебной стадии // Российский следователь. 2014. №. 14. С. 8.

8. Российская газета. 2010. 4 марта.
9. Чурилов Ю.Ю. Оправдательный приговор в российском судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2009. 300 с.
10. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2012 году // Российская юстиция. 2013. № 10. С. 56.
11. Российская газета. 2013. 29 апреля.
12. Смирнова И.Г. Уголовное судопроизводство в свете социологического исследования: взгляд со стороны обвинения // Российский судья. 2013. № 11. С. 41.
13. Выступление Председателя Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькина // Российская юстиция. 2013. № 2. С. 9.
14. Бентам И. О судебных доказательствах. Киев, 1876. 440 с.
15. Пилюк А.В. Возвращение «объективной истины»: правильно ли расставлены акценты? // Российская юстиция. 2014. № 8. С. 52–55.
16. Михайловский И.В. Основные принципы организации уголовного суда. Уголовно-политическое исследование. Томск, 1905. 336 с.

References

1. Ozhegov S.I. Dictionary of Russian language. N.Yu. Shvedova (ed.). M., Russkii iazyk, 1986, 797 p. [in Russian]
2. Beulke Werner. Criminal procedure right of Germany: Textbook, 6th edition, with additions and changes. Translation from German by Ya.M. Ploshkina; L.V. Mayorova (ed.) Krasnoyarsk, RUMTs YuO, 2004, 352 p. [in Russian]
3. Golovko L.V. France Republic. Gutsenko K.F., Golovko L.V., Filimonov B.A. Criminal process of Western states. 2nd edition, revised and corrected edition. Izd-vo «Zertsalo-M», 2002, 528 p. [in Russian]
4. Karneeva L.M. Criminal prosecution. Legality and validity. M, «Iuridicheskaja literatura», 1971, 136 p. [in Russian]
5. Smirnov A.V. The accused in A.V. Smirnov, K.B. Kalinovsky. Criminal trial: Textbook for higher educational institutions. 2nd edition. A.V. Smirnov (ed.). SPb., Piter, 2005, 699 p. [in Russian]
6. Strogovich M.S. Material truth and judicial proofs in the Soviet criminal trial. M, 1955, 384 p. [in Russian]
7. Bagmet A.M. Prosecutor – the judge at a pre-trial stage. *Rossiiskii sledovatel'* [Russian investigator], 2014, no.14, p. 8 [in Russian]
8. *Rossiiskaya gazeta*, 2010. March 4 [in Russian]
9. Churilov Yu.Yu. The verdict of not guilty in the Russian legal proceedings: Candidate's of Law. Voronezh, 2009, 300 p. [in Russian]
10. The review of judicial statistics about the activity of federal courts of general jurisdiction and world judges in 2012. *Rossiiskaia iustitsiia* [Russian justice], 2013, no.10, p. 56 [in Russian]
11. *Rossiiskaya gazeta*, 2013, April 29 [in Russian]
12. Smirnova I.G. Criminal proceedings in the light of sociological research: charge onlooking. *Rossiiskii sud'ia* [Russian judge], 2013, no. 11, p. 41 [in Russian]
13. Speech of the Chairman of the Constitutional Court of the Russian Federation V.D. Zorkin. *Rossiiskaia iustitsiia* [Russian justice], 2013, no. 2, p. 9 [in Russian]
14. Bentam I. On judicial evidences. Kiev, 1876, 440 p. [in Russian]
15. Piyuk A.V. «Objective truth» return: are accents correctly placed? *Rossiiskaia iustitsiia* [Russian justice], 2014, no. 8, p. 52–55 [in Russian]
16. Mikhailovsky I.V. Basic principles of organization of criminal court. Criminal and political research. Tomsk, 1905, 336 p. [in Russian]

*A.P. Kruglikov**

**THE ACCUSED: WHETHER SUCH PARTICIPANT IS NECESSARY
IN THE CRIMINAL PROCESS OF MODERN RUSSIA?**

In the article the legal status of the suspect and the accused in the criminal process of Russia is analyzed. The author claims that according to the principle of presumption of innocence the accused is the same as suspect, therefore it is necessary to exclude the accused from the participants of the criminal process. Introduction of changes offered by the author into the Criminal Procedure Code of the Russian Federation will promote, in his opinion, elimination of an accusatory bias in the activity of investigators and judges.

Key words: presumption of innocence, suspect, accused, investigator, prosecutor, judge, presumption of guilt, verdict of not guilty.

* *Kruglikov Anatoliy Petrovich* (krug.ap@bk.ru), Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Volgograd State University, Volgograd, 400062, Russian Federation.